

НЕМЕЦКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК О

Н. А. ПОЛЕВОМ

ПУБЛИКАЦИЯ Р. ЛЕЙБОВА

"<...> у меня у самого душа в пятки уходит, как вспомню, что я журналист. Будучи еще порядочным человеком, я получал уж полицейские выговоры и мне говорили: *Vous avez trompé* и тому подобное. Что же теперь со мною будет? Мордвинов будет на меня смотреть как на Фаддея Булгарина и Николая Полевого, как на шпиона — чорт догадал меня родиться в России с умом и талантом. Весело, нечего сказать!"
А. С. Пушкин — Н. Н. Пушкиной. Москва. 18. V 1836.

"В действительности Полевой (в отличие от Булгарина) не был связан с III отделением."
Я. Л. Левкович. Комментарии // А. С. Пушкин. Письма к жене. — Л., 1986. — С. 190.

Йоханн Георг Коль (Kohl, 1808 — 1878), известный немецкий путешественник и писатель, изучал право в Геттингене, Гейдельберге и Мюнхене, а затем с 1830 по 1837 гг. в качестве домашнего учителя в семье бар. Мантейфеля находился в Курляндии. Перед возвращением на родину (1838) Коль совершил большое путешествие по европейской России, Украине и Польше, описанное в книге "Reisen im Inneren von Russland und Polen".¹

Публикуемый нами в русском переводе фрагмент книги посвящен Н. А. Полевому. Относиться к тексту Коля следует весьма осторожно: его содержание составляет изложение рассказа неизвестного книгопродавца о Н. Полевом и описание визита к Полевому автора книги.² Таким образом, мы имеем дело как

---

¹О Коле см.: *Allgemeine Deutsche Biographie*. — Bd. 16. — Leipzig, 1882. — S. 425—428.

²В пропущенном нами фрагменте Коль специально оговаривает, что явился к Полевому без рекомендации. Это, однако, не снимает вопросов о том, был ли безымянный книгопродавец

минимум с двумя источниками, к каждому из которых следует предъявлять особые критические требования.

Описание беседы Коля с Полевым немного прибавляет к тому, что мы знаем о взглядах редактора "Московского Телеграфа" на словесность. Временами создается впечатление, что, передавая слова Полевого, Коля цитирует его статьи (см. прим. 11 — 12 к публикации). Мы склонны предположить, что Полевой повторял перед путешественником свои любимые мысли: в таком случае Коля исключительно точно воспроизвел его реплики. Очевидно, и слова первого своего собеседника, купца из книжной лавки, Коля передает с высокой степенью точности (видимо, книга основана на ежедневных записях).

Рассказ книгопродавца о Полевом — биографическая легенда о купце-самоучке, противостоящем недобросовестным и поверхностным аристократам-дилетантам — Карамзину и Пушкину. Это, видимо, достаточно характерный для московского купца взгляд на Полевого и на его конфликт с властями (обратим внимание на то, что о конкретном поводе запрещения "Телеграфа" рассказчик не упоминает, а причину видит в недоброжелательстве могущественных петербургских поклонников Карамзина). Сходный взгляд передан в 1834 в письме М. Окулова С. Уварову: "<...> класс купечества весьма недоволен и говорит, что Полевому оттого запретили, что он всех умнее".³

Биография Полевого изложена у Коля в том легендарном варианте, сложившемся в полемике с "Литературной газетой", который сам Полевой положил в основу своего предисловия к "Очеркам русской литературы". Для Полевого, воспитанного в культурной семье, где отец, крупный деятель Российской-Американской компании, по словам Кс. А. Полевого, "жил больше умственной и нравственной жизнью",⁴ важно было, с одной стороны, подчеркнуть свою демократичность, с другой — построить автобиографию по романтическим канонам. Это привело к созданию образа сибирского самоучки, вызвавшего недоумение брата Н. Полевого, писавшего позже: "Не понимаю, как мог <...> брат мой представить воспитание свое каким-то хаосом, а себя самоучкой, которому не способствовали, а мешали учиться? Я изъявил ему свое удивление об этом, когда прочитал

единственным источником сведений Коля о Полевом — что в "истории Полевого" домыслено самим Кодем — не отразился ли в ней вечерний разговор путешественника с Полевым.

³Цит. по: Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь "умственные плотины". — М., 1986. — С. 164.

⁴Полевой Кс. Записки. — СПб., 1888. — С. 8.

"Несколько слов от сочинителя" в книге "Очерки русской литературы". Он не отвечал, а только улыбнулся. Я хотел, чтобы он непременно исправил это в продолжении своей биографии — он обещал, хотя с оговорками — и так прошло время до его смерти".⁵

В рамках этой легенды построен рассказ купца о Полевом до момента закрытия "Московского Телеграфа". Большой интерес представляет рассказ книгопродавца об обстоятельствах 1834—1837 гг.

В отечественном литературоведении утвердилась традиция рассматривать московский (издание журнала — 1825—1834) и петербургский (1838—1846) периоды жизни и творчества Полевого отдельно, часто резко противопоставляя эти периоды. При этом 1834—37 гг. из рассмотрения выпадают: публикации этого периода не учтены в списке, составленном В. Евгеньевым-Максимовым и В. Березиной,⁶ — а В. Орлов (как будто забыв подготовленную им книгу "Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов") пишет: "В первые годы после запрещения "Московского Телеграфа" Полевой вообще не участвовал в периодической печати. В 1836—1837 гг. он анонимно сотрудничал в "Библиотеке для чтения" (несколько незначительных статей)".⁷

Между тем, этот период исключительно важен для понимания пути Полевого. Именно в эти годы сложилась репутация Полевого, резко выраженная в процитированных нами в эпиграфе словах Пушкина.

Как известно, высшие чины III отделения — Бенкендорф и Дубельт — поддерживали Полевого во время разбирательства в Петербурге. 30. IV 1835 г. Николай I прибыл в Москву. В №№ 131—134 "Северной Пчелы" была напечатана статья "Московские записки. Посещение Московской Выставки произведений отечественной промышленности Государем Императором", подписанная "Н. Полевой".

Об этой статье упоминал купец, рассказывавший о Полевом Колю. Таким образом, запрет на появление имени Полевого в печати продержался лишь год. В возобновлении литературной деятельности Полевого снова сыграло свою роль заступниче-

⁵Там же. — С. 11.

⁶Евгеньев-Максимов В. Е., Березина В. Г. Н. А. Полевой. Очерки жизни и деятельности. — Иркутск, 1947. — С. 116.

⁷Орлов В. Н. Пути и судьбы. — М., 1971. — С. 443. Прим. 1.

ство Бенкендорфа: по воспоминаниям Кс. Полевого, "император Николай часто посещал Москву, и его почти всегда сопровождал граф А. Х. Бенкендорф. В один из таких приездов, граф спросил у состоявшего при его канцелярии чиновника, занимавшего в Москве должность цензора периодических изданий: "А что подельывает Полевой? как живет он?" <...> На вопрос графа он отвечал: "Полевой заведывает редакцией небольшого периодического издания "Живописное Обзорение" и пишет там прекрасные статьи <...> "А что же это за журнал <...>?" — спросил граф Бенкендорф у своего чиновника <...>. Тот вынул из своего портфеля листки "Живописного Обзорения" и, представляя их графу, сказал: "Вот издание Полевого. Прошу ваше сиятельство обратить внимание на статью: *Памятник Петру Великому в Петербурге*, и вы согласитесь со мною, что нельзя писать благонамереннее и лучше". Граф пробежал указанную ему статью, и <...> воскликнул: "Я сейчас представлю это Государю Императору!" И с листком в руке он ушел во внутренние комнаты дворца, а через несколько времени возвратился с веселым лицом и сказал своему чиновнику: "Государь Император чрезвычайно доволен статьею о Петре Великом и поручил мне изъявить свое благоволение за нее автору <...>".⁸

Характерно, что решающую роль сыграла статья, посвященная Петру Великому. В атмосфере петровского культа, насаждавшегося в николаевской России, создание истории Петра представлялось задачей государственной важности. К этой теме Полевой обратился в упомянутой выше статье из "Живописного обзорения": "Все донныне изданные истории Петра Великого никуда не годятся <...> Не знаем, настало ли время для такого сочинения, сомневаемся даже в том, есть ли между современниками нашими кто-нибудь, которому было бы дано от Бога призвание на такой подвиг".⁹ Высказанные здесь сомнения, очевидно, метят в Пушкина, о работе которого над историей Петра читающая публика была хорошо осведомлена — в том же "Живописном Обзорении" в заметке "Русская литературная летопись" упомянуто о том, что Пушкин "теперь занимается историею Петра Великого, для которой приготовил уже много материалов".¹⁰

Можно предположить, что статья Полевого не совсем случайно (как описывает это Ксенофонт Алексеевич) попала к императору. В статье мы находим фрагмент, как будто специально

⁸Полевой Кс. Записки. — С. 359—360.

⁹Живописное Обзорение. — 1836, изд. 2-е (переизд. 1835 г.) — Т. 1. — Л. 106.

¹⁰Там же. — Л. 375.

предназначенный для августейшего читателя: "В этот день (7. VIII 1782, когда был открыт памятник Петру в Петербурге — Р. Л.) > был прощен И. И. Голиков <... >. Екатерина знала, что Голиков в тюрьме своей занимается историею Петра Великого, что он виноват по делу, но прав по совести, и объявила ему прощение. Голиков пошел к памятнику, упал перед ним на колени, и поклялся посвятить жизнь свою на написание истории Петра Великого".¹¹ Упоминание Голикова (дальнего родственника Полевого) могло восприниматься как призыв к прощению самого автора, — а высказанное затем поощрение — как ответная реплика императора, одобрение намерений Полевого заняться историей Петра.

Напомним, что Пушкин за год до того подавал прошение об отставке, что ставило под сомнение продолжение его работы над историей — переписка с императором велась через того же гр. Бенкендорфа.¹²

Можно предположить, что в рассказе книгопродавца, записанном Колеи, отразились толки о возможности перепоручения Полевому "Истории Петра" и надежды на это самого Полевого. Известно, что в конце 1835 г. Полевой предпринял попытку через Дубельта получить право на работу в архивах, что уравнило бы его с Пушкиным. 25. III 1836 г. Дубельт писал Полевому по этому поводу: "Намерение ваше принесть в дар России историю Великого Петра я имел счастье доводить до высочайшего сведения государя императора, и, вместе с тем, всеподданнейше повергал на всеилостивейшее воззрение его императорского величества доставленный ко мне от вас план сего издания. Его величество с благоволением удостоил принять ваше намерение — но не мог вполне изъявить монаршего соизволения на все ваши предположения, по той причине, что начертание истории Петра поручено уже известному литератору нашему А. С. Пушкину, которому, вместе с тем, предоставлены и все необходимые средства к совершению сего многотрудного подвига.

Впрочем государю императору было бы приятно, если бы вы употребили способности и ваши сведения на предприятие, драгоценное для сердца каждого русского. Но при сем случае его величество изволит однако же полагать, что путешествие в

¹¹ Там же. — Л. 106.

¹² Письма Пушкина к Бенкендорфу см.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. — М., 1966. — Т. 10. — № 587, 597. Подробнее о статье Полевого в "Живописном обозрении" в интересующем нас контексте см.: О с п о в а т А. Л., Т и м е н ч и к Р. Д. "Печальну повесть сохранить..." — М., 1987. — С. 56—60.

чужие края, в места, освященные присутствием Великого Петра, не принесет ожидаемой вами пользы — ибо память об исполнинских деяниях незабвенного преобразователя России, столь священная для русских, конечно в чужих краях не могла сохраниться <...>.

По высочайшему повелению все государственные архивы открыты для г. Пушкина — и потому государь император равномерно изволил находить неудобным, чтобы два лица, посвятившие труды свои одному и тому же предмету, почерпали необходимые для себя сведения из одного и того же источника.

Передавая вам таковые мысли его величества, не скрою <...>, что и по моему мнению, посещение архивов не может заключать в себе особенной для вас важности, ибо <...> обладая в такой степени умом просвещенным и познаниями глубокими, вы не можете иметь <...> надобности прибегать к подобным вспомогательным средствам".¹³

Дубельт как бы благословляет Полевого на написание истории, "в точности согласной с идеями" императора и потому не нуждающейся в архивных разысканиях. (Напомним, что именно архивные разыскания привели к тому, что, по словам Леве-Веймара, Пушкин "не скрывал <...> серьезного смущения, которое он испытывал при мысли, что ему встретятся большие затруднения показать русскому народу Петра Великого, каким он был в первые годы царствования <...>".¹⁴)

Неизвестно, знал ли Пушкин о намерениях Полевого — заметим, что письмо Наталье Николаевне написано из Москвы в 1836 г., после безуспешных ходатайств Полевого: возможно, слухи об этом дошли до Пушкина, а посредничество Бенкендорфа и Дубельта дало ему повод уравнивать Полевого с Булгариним.

То, что коллизия "Полевой—Пушкин" была предметом обсуждения в обществе, косвенно доказывается и тем, что спустя полгода после смерти Пушкина московский книгопродавец излагает немецкому путешественнику свою — сильно мифологизированную и явно небеспристрастную — версию событий.

Сказанное помогает понять намек Кс. Полевого, писавшего об обстоятельствах переезда Н. А. в Петербург: "<...> брат мой почитал себя не в таких отношениях к правительству, как это оказалось на деле. После высочайшего благоволения, объявленного ему за статью о Петре Великом <...>, граф Бенкендорф

¹³Русская Старина. — 1897. — Т. 92 (Ноябрь). — С. 385—386.

¹⁴Цит. по: Фейнберг И. Незавершенные работы Пушкина. — М., 1979. — С. 25.

не один раз, во время приездов своих в Москву, призывал его к себе, рассуждал с ним очень любезно о разных предметах, поручал составлять статьи о пребывании государя императора в Москве <...>. Брат мой уехал в Петербург с уверенностью, что он уже не в опале у правительства".¹⁵

"Первая книжка "Сына Отечества" явится 1-го января <...> После стихов, я бухнул в нее мое начало "Истории Петра Великого" <...>",¹⁶ — писал Полевой брату 20. XII 1837 г. В перспективе сказанного выше этот поступок Полевого, фактически редактировавшего журнал, представляется символическим.

В нарисованном Кодем облике Полевого угадываются надежды, которые тот связывал с переездом в Петербург и которым не суждено было сбыться. Сотрудничество с властью, уронившее репутацию Полевого, не привело к желанным результатам. Полевой, очевидно, продолжал свои ходатайства через Дубельта,¹⁷ но официальная "История Петра" была перепоручена Устрялову. Полевого в Петербурге ожидала поденная журнальная работа — "кущу-самоучке" указали на его место в бюрократической иерархии. За два года до смерти Полевой писал брату: "Замолчать вовремя — дело великое. Мне надлежало замолчать в 1834 году".¹⁸

Йоханн Георг Коль

РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Однажды я зашел в книжный магазин на Никольской улице,¹ чтобы запастись новым орудием для своих исследований на московских улицах, — я имею в виду новый русский словарь, который я потом выучил наизусть. Достопочтенный торговец взял за него пять рублей, что, конечно, гораздо дороже обыкновенной цены. Обман этот меня разгневал, и решив так или иначе вознаградить себя, я уселся в его лавке и получил все возможные сведения о книжной торговле в Москве.

¹⁵ Полевой Кс. Записки. — С. 384—385.

¹⁶ Там же. — С. 402.

¹⁷ 3 сентября 1838 г. Полевой записал в дневнике: "Письмо от Л. В. Дуббельта (sic!) о "Петре Великом" " (Ист. Вестник. — 1888. — № 3. — С. 667).

¹⁸ Полевой Кс. Записки. — С. 571.

От книгопродавцев мы перешли к писателям. Хозяин рассказал мне о историке Полевом и поведал историю его жизни. Полевой родился ближе к монгольским ордам и Пекину, чем к Парижу и прочим европейским Афинам — в Иркутске.² Отец его, уроженец Курска, обосновался в сибирской столице как купец. Сын, получивший не более чем обычное для русского купца образование, вернулся в Европу и приехал в Москву в качестве молодого торговца.³ Здесь он удачно воспользовался возросшей после 1812 года книжной торговлей, читая, скорее всего, как это обыкновенно делают гостинодворские купцы, сидящие перед дверьми своих лавок и читающие по очереди вслух. Таким образом среди других книг он внимательно прочел и "Историю России" Карамзина. Чем сильнее интересовался Полевой историей своего отечества, тем менее удовлетворяла его вялость и некритичность этой книги. Тем временем Полевой прочел много других книг и выучил в своей лавке в свободное от торговли время французский, немецкий, итальянский, греческий и латинский языки, поглощая сочинения на этих языках, делая извлечения, аннотации и разборы и развиваясь, как любой деятельный ум под воздействием нахлынувших новых впечатлений. Поскольку некоторые из его статей по этим предметам, появившись в периодических изданиях, были встречены там с одобрением, у Полевого возникло желание издавать журнал самому — и после 1824 г. стало выходить в свет его издание под названием "Телеграф".⁴ На его страницах Полевой весьма свободно, а временами и с горячностью говорил о вопросах, касающихся истории его страны. Негодуя по поводу превознесения бабушкиных сказок Карамзина, он не мог удержаться в своем журнале, проявлявшем необычно критический дух, от нападок на этого современного кумира и указал на некоторые из его многочисленных ошибок. Покровительствуемый императором и принимаемый избранной верхушкой знати Карамзин был тогда на вершине своей славы.⁵ Его дочери цвели среди самых изысканных цветов столицы — многие домогающиеся высоких мест искали расположения его семейства. Можно представить себе, что думали о московском купце, осмелившемся возражать человеку столь признанной учености и политического влияния. Сначала Полевой возбуждал лишь смех — затем — когда кое-кто осмелился высказаться в его поддержку — ропот — и наконец, когда он вызвал значительную реакцию, когда глаза

некоторых людей начали открываться, и многие стали сомневаться в непогрешимости Карамзина, — ожесточение и ненависть. Это было вскоре после подавления польской революции. Правительство бдительно следило за всем, в чем можно было заподозрить опасное направление. Некоторые учебные заведения были расформированы, были приняты строгие меры в отношении домашних учителей, и Полевой, высказывавшийся свободно и прямо, был приглашен некоторыми из его патронов, желавших его продвижения (на виселицу), посетить Санкт-Петербург, что он и сделал в хорошо охраняемой кибитке, путешествуя без остановок день и ночь в сопровождении следивших за ним всю дорогу часовых.

При определенных обстоятельствах путешествие в любезный Санкт-Петербург может быть довольно приятным, но силы Полевого, вероятно, были подорваны припоминанием некоторых статей о русской истории. По приезде в столицу он подвергся суровому допросу как "горячая голова", но на все вопросы отвечал он открыто и без замешательства, как человек, не чувствующий за собою никакой вины и горячо преданный своему отечеству. Наконец среди всех криков обвинителей Полевого послышался влиятельный голос справедливого человека — и вынесенный приговор гласил: "Освободить автора, но запретить журнал."⁶ Полевой был свободен и мог вернуться в Москву, но счел более уместным в дальнейшем заняться продажей изюма, а не своих сочинений. Поскольку оригинальное творчество стало теперь для него невозможным, он нашел утешение в переводе чужих произведений. Один из его переводов — "Гамлет", говорят, он весьма недурен и игрался несколько раз.

Вынужденное путешествие Полевого в Санкт-Петербург имело неблагоприятное влияние на его положение в обществе. Большая часть бывших друзей оставила его — все опасались поддерживать отношения с человеком, впадшим в немилость в высоких сферах. Это было мрачное время для Полевого.

Теперь его звезда вновь восходит, и будущее его и его семейства представляется более светлым. Перемена эта произошла следующим образом: император Николай, посетивший в 1835 г. промышленную выставку в Москве, милостиво вспомнил о купце-литераторе, на которого столь резко нападали его придворные в Петербурге. Как знак благосклонности был высказан намек на то, что Поле-

вой может опубликовать отчет о высочайшем посещении выставки, во время которого его величество сделал ряд значительных замечаний. Полевой, разумеется, воспользовался этой возможностью наилучшим образом. Отчет был опубликован в "Пчеле", каковое трудолюбивое насекомое донесло его до глаз и ушей публики и двора. Император пожаловал Полевому бриллиантовый перстень, изъявив свое одобрение и иными способами. Полевой вновь приободрился — блеск этого перстня сулил ему блестящее будущее, тем более, что иная звезда побледнела, а вскоре и угасла на горизонте: поэт Пушкин, живший тогда, умер в 1836 г.⁷

Этому автору было доверено составление жизнеописания Петра Великого, горячим обожателем которого является император, считающий Петра гением, ниспосланным России небесами. За три года до того Пушкину был поручен сбор материалов для этой цели.⁸ Ему предоставили время, открыли перед ним все архивы и назначили ежегодно выплачиваемую значительную сумму. Пушкин собирал материалы три года, но это не привело ни к какому значительному результату — и когда бы император ни осведомлялся о трудах Пушкина, ему отвечали: Пушкин собирает материалы. Пушкин проявил так мало рвения в этом деле, что еще при его жизни Полевому неофициально намекнули, что это задание может быть передоверено ему. Полевой уже набросал введение в этот труд, представленное теперь императору, который нашел его в точности согласным со своими идеями.

Смерть Пушкина, вероятно, будет иметь благоприятное значение для Полевого, по крайней мере, он надеется на это. В год моего пребывания в Москве его жена собиралась посетить морские купания близ Петербурга, зимой Полевой должен был последовать за нею, пройти свой курс паровых ванн в дворцовой передней⁹ и затем совершить поездку по России и другим странам, подготовив таким образом к выходу в свет свое жизнеописание Петра Великого.¹⁰

Выслушав от своего книгопродавца этот очерк жизни Полевого, я захотел лично познакомиться с ним и, поблагодарив торговца за его рассказ, поручил себя попечению первого встреченного извозчика и отправился засвидетельствовать свое почтение литератору.

<...> Я застал Полевого в разгаре его литературных занятий, — возможно, мой приход лишил мир нерожденной мысли, так как он сразу же отложил свои писания в сторону, и я провел с ним весьма приятный вечер.

Круглые розовые щеки, свойственные русским купцам, а вместе с ними и солидная окладистая борода, столь украшающая их обычно, давно исчезли с лица Полевого. Заботы и ночные бдения, сопутствующие служению музам, произвели здесь свое разрушительное действие. Цветущая юность Полевого воскресла в его детях, игравших во дворе. Полевой говорит по-французски и хорошо знаком с немецкой, английской, итальянской, русской, польской и классической литературами. О Шиллере и Гете говорил он с горячим воодушевлением, как и о "Идеях" Гердера, бывших, по его словам, настольной книгой всех образованных людей в России. Но говоря о современной Германии, он восклицал, воздевая руки к небу: "Боже, куда исчез гений Германии?!"¹¹

С большим восхищением говорил он о польском поэте Мицкевиче — по его словам, это единственный гений, появившийся после Байрона и Гете.¹²

В 1824 г., когда тайное общество в Вильне было раскрыто властями, примерно сорок юношей, среди которых был и Мицкевич, были высланы во внутренние губернии России как учителя, секретари и т.д. Мицкевич стал помощником московского генерал-губернатора и совершил несколько путешествий по стране, в том числе в Крым, прославленный им в превосходных сонетах. Когда в 1830 г. его несчастная родина призвала своих сынов, смерть или изгнание которых ей пришлось впоследствии оплакивать, Мицкевич разделил судьбу последних и уехал в Париж. Его стихи, должно быть, прекрасны, поскольку, говоря о них, Полевой позабыл и иностранца во мне, и свою национальную неприязнь к полякам и восклицал, схватив меня за руку: "О Боже, если бы вы могли это понять! Это прекрасно, изумительно, великолепно!"

Вошли жена и дети Полевого, и наши литературные беседы были завершены веселой чайной *soirée*. Я продлил свой вечерний визит тем охотней, что это был мой последний московский вечер: на завтра я должен был ехать на юг. <...>

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава "Русский писатель" находится в книге: *Reisen im Inneren von Russland und Polen von J. G. Kohl. Erste Theil. Moskau. — Dresden und Leipzig. — 1841. — S. 458–466.* Английский перевод — в книге: *Russia. St. Peterburg, Moscow, Kharkoff, Riga, Odessa, The German Provinces on The Baltic, The Steppes, The Crimea, and The Interior of the Empire. By J. G. Kohl. — L., 1844. — P. 294–297.* Перевод выполнен нами с английского текста и сверен с немецким оригиналом. Приносим свою благодарность Е. В. Берштейну, Е. В. Пермякову, И. А. Пильщикову и С. Салупере за помощь в работе.

- 1 Установить точно, о какой лавке идет речь, не представляется возможным. "На Никольской улице в половине XIX века ютился <...> по левой стороне <...> сплошной ряд книжных лавочек. На правой же стороне Никольской улицы книжная и картинная торговля производилась только в проездных воротах <...> и на ограде дома графа Шереметьева." (Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет: 1782–1882. — СПб., 1883. — С. 43). На Никольской находились, в частности, лавки Глазунова и Кольчугина.
- 2 Ср. в воспоминаниях Кс. Полевого прямо противоположную оценку атмосферы родительского дома: "<...> мы лучше знали, что делалось в Европе, в Индии, в Америке, нежели в Иркутске" (Полевой Кс. Записки. — СПб., 1888. — С. 13).
- 3 Полевой приехал в Москву в 1820 г.
- 4 "Московский Телеграф" начал выходить в 1825 г.
- 5 Статья Полевого "История государства Российского. Сочинение Н. М. Карамзина", вызвавшая ряд полемических откликов появилась в 1829 году, когда Карамзина уже не было в живых.
- 6 Очевидно, имеется в виду заступничество Бенкендорфа. Об истории закрытия "Московского телеграфа" см.: Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь "умственные плотины". — М., 1986. — С. 140–164.
- 7 Эта дата указана и в немецком, и в английском вариантах.
- 8 Пушкин начал работу над "Историей Петра" по поручению Николая I в 1831 г.

- 9 Коль посетил Москву в мае 1837 г. Жена Полевого отправилась в Ревель на морские купанья летом, сам он уехал из Москвы 2 октября.
- 10 "История Петра Великого" Полевого в 4-х томах вышла в Петербурге в 1842 г.
- 11 Ср.: "<...> Германия впала в совершенную частность, практику, народность. Гении Германии исчезли <...> Гете и Уланд, Гофман и Шопенгауэр, Шеллинг и Гегель, Шлегель и Берне, Шиллер и Грильпарцер, Моцарт и Шор — неужели это один и тот же мир, одна и та же Германия?" (Борис Годунов. Сочинение Александра Пушкина // Полевой Н. Очерки русской литературы. — СПб., 1839. — С. 152—153).
- 12 Ср.: "Когда умолк Гете, когда нет Байрона, Мицкевич — будем гордиться этим — не только первый поэт Польши, но едва ли не первый из существующих ныне поэтов" (Poezye Adama Mickiewicza. (Стихотворения Адама Мицкевича) // Полевой Н. А., Полевой Кс. А. Литературная критика: Статьи и рецензии: 1825—1842. — Л., 1990. — С. 30).